

Виктор Кротов

Личности

Очерки об интересных людях

Виктор Кротов

**Личности. Очерки об
интересных людях**

«Издательские решения»

Кротов В.

Личности. Очерки об интересных людях / В. Кротов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834009-3

Очерки и статьи, посвящённые людям, которые состоялись как личности и много значили для окружающих, в том числе и для автора — независимо от степени их известности.

ISBN 978-5-44-834009-3

© Кротов В.
© Издательские решения

Содержание

Александр Мень:	6
1. Если бы о нём написать...	6
2. Сила и слава отца Александра	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Личности Очерки об интересных людях

Виктор Кротов

© Виктор Кротов, 2017

ISBN 978-5-4483-4009-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На обложке: отец Александр Мень, фото Марии Романушко.

«Личность не пропадает».

Отец Александр Мень

Александр Мень: сила и слава

1. Если бы о нём написать...

Если бы написать об этом человеке, пришлось бы очень внимательно подбирать слова. Можно наговорить много ненужного, неважного, чисто своего. А хотелось бы говорить о нём.

Каждый человек является нам во многих обликах. Но один из них становится как бы камертоном памяти. Если бы написать об отце Александре, какой облик его стал бы центральным? Главным среди сохранённых памятью – или душой... Наверное, вот этот... Только бы решиться вернуться туда...

Распахиваются двери электрички. Следующая остановка – Сергиев Посад. Там Лавра, богомольцы, древние намоленные храмы. А здесь – просто лето или зима, весна или осень.

Крутая лестничка с платформы вверх. Асфальтовая неширокая дорожка, от которой слегка отступил лесок справа и слева. И дышится по-лесному легко.

Нет, нет! ничего ещё не было здесь, не надо пока об этом...

Легко дышится, легко идётся. Даже когда под конец приходится свернуть с асфальтовой дорожки, пройти метров двадцать по корням и по доскам, прикрывающим лужи, не унываешь.

Вот и калитка с кнопкой звонка, который раздастся в доме. Церемония удержания собаки, честно пытающейся изобразить возмущение.

Сени, где уже начались стеллажи – с журналами. Вон «Вопросы философии», вон «Журнал московской патриархии»...

Дальше деревянная лестница, разумеется узкая и скрипучая, а вдоль неё – книги, да такие, что хочется сесть на ступеньки и не вставать, пока не прочтёшь каждую. Если хватит знания языков.

На узкой площадке тоже полки, тоже книги, да метровая статуэтка крестоносца с надписью «CREDO». Налево с площадки – дверь, плотно обитая, чтобы отгородиться от шума.

Она открывается, эта заветная дверь, и закрывается за тобой. Здесь дышится ещё легче. Мансарда, со скошенным потолком, повторяющим наклон крыши. Красный угол, лампадка. Ряса, висящая у двери, всегда наготове... Большое окно. Кабинет опоясан стеллажами книг. Стена книг на столе. А высокий шкаф, отгораживающий от двери закуток с узким диванчиком, полон книгами с двух сторон. С лицевой – философскими, религиозными, энциклопедическими. С внутренней, со стороны затаённого за шкафом диванчика, – фантастикой и приключениями.

Направо – журнальный столик и пара уютных кресел. Это для гостей. А налево, за письменным столом, на рабочем крутящемся стуле, рядом с пишущей машинкой, со стопками книг и папок, – он, отец Александр, Александр Владимирович. Что-то ищет в ящике стола и машет на кресло: «Садитесь, Виктор, расслабляйтесь... Посмотрите вон на столике, мне недавно прислали...» Беру журнал или книгу, это ужасно интересно, но интереснее всего всё равно остаётся он, отец Александр...

Многие прихожане считают его чистокровным греком. Он смугл, волосы у него волнистые, чёрные, едва начинающие седеть. Глаза карие, живые, с улыбчивой искоркой. Он не всматривается, не гипнотизирует, он никем не притворяется, не старается придать себе значительности. Наоборот, старается отвести от себя внимание собеседника на более важные,

более нужные вещи. Рассказывает о том и о сём, ему есть что рассказать и о жизни, и о книгах, и о людях...

Он часто умолкает, но не в ожидании ответных фраз. Пауза не вынуждает тебя говорить, она как бы подбадривает: ничего, ничего, не обязательно поддерживать разговор, я сейчас ещё одну любопытную вещь расскажу... Но если ты заговорил, тебе принадлежит всё внимание отца Александра. Отеческое внимание – если ты пришел к нему как к отцу. Дружеское внимание – к каждому.

Он не очень высок и немного полноват. В обыденной обстановке движения его таят в себе легкую обаятельную неуклюжесть. Он словно тихонько посмеивается над этим маскарадом повседневных забот. И остаётся свободным и независимым от этого маскарада, какое участие не принимал бы в нём по необходимости...

Это было написано в декабре 1990 года. Мне казалось, что напишу ещё и ещё. Но не смог.

2. Сила и слава отца Александра

Рано утром девятого сентября 1990 года ударом топора по голове был убит один из замечательнейших людей нашей страны и нашего века священник Александр Мень.

Историки, которые будут анализировать нравственную историю нашего столетия, отметят дату 9 сентября 1990 года как трагический рубеж в жизни агонизирующего атеистического строя. «Теперь может быть что угодно», – сказали мы друг другу, не в силах прийти в себя после ужасного известия.

И действительно – началось что угодно. Государство притворилось неспособным найти убийц. Девять месяцев спустя была объявлена жалкая пятитысячная премия. Не помогло. Даже могучий Комитет Государственной Безопасности вдруг оказался бессильным перед дегенератом с топориком. Два крупнейших политических лидера страны обещали держать дело под своим контролем. Не помогло. Общественное мнение проворчало, что положено, и осталось в полузабытьи, так и не осознав масштабов трагедии.

Вскоре убили ещё одного священника, потом ещё одного. Надо ли говорить, что убийцы не были найдены. И стиль убийств был нарочито тот же: тяжёлым предметом по голове. По голове, по голове...

Надо ли рассказывать о том, каковы оказались политические события – виток за витком – окрасившие последующие годы в чёрно-красные тона...

Историки осмысляют это событие многократно. Нам, современникам этого человека, важно сберечь память о нём. И, может быть, ещё до историков нам необходимо понять, что произошло девятого сентября со всеми нами.

Мне хотелось бы рассказать об одной из страниц этой замечательной жизни. Рассказать о переводе романа Грэма Грина «Сила и слава». И даже не столько о переводе, сколько о поразительном сцеплении творчества и судьбы, позволяющем ощутить некие силовые линии, выходящие за схему простых совпадений.

Отец Александр написал много глубоких книг. Они вошли уже в золотой фонд нашей культуры, хотя не все склонны это признавать. Многие из этих книг носят поистине энциклопедический характер и требовали колоссальной работы. Как ему удавалось сочетать её с насыщенной священнической и проповеднической деятельностью, с деятельностью педагогической, с большой перепиской, с человеческим неторопливым общением?.. – всё это на грани чуда. И вдруг отец Александр берётся за перевод романа!

Он сам был словно удивлён этим, говорил о своём переводе с лёгким улыбчивым смущением. Мне довелось довольно часто встречаться с ним в тот период и стать счастливым *слушателем* всего романа: ссылаясь на неразборчивый почерк, отец Александр каждый раз читал очередную главу вслух.

Потом мы говорили с ним обо всём, на что наводило нас содержание этой главы, – и роман словно расширялся, вбирая в себя жизнь сегодняшнего мира.

Сейчас я прислушиваюсь к своей памяти заново (так и не читал этот роман глазами, хотя он и был позже опубликован в чьём-то ещё переводе) – и сцены его почти неотделимы уже от того, кто мне их читал.

Постараюсь вот так, по памяти, может быть не очень точно, передать некоторые впечатления об этом романе, соединенные с памятью о необыкновенном переводчике, увидевшем в этой книге нечто важное для себя и для всех нас.

* * *

Отец Александр был большим книгочеем. Он читал на многих языках. *Сложной* литературы для него не существовало. При этом ему нравился и тот увлекательный жанр, который принято обозначать словами «приключения и фантастика» (как тут не вспомнить про оборотную сторону шкафа у диванчика). Жанр, вплетающий в житейские обстоятельства притчу и символ. Жанр, использующий движение сюжета вместо назидания. Жанр ироничный и непредсказуемый.

Не удивительно, что отец Александр любил книги Грэма Грина – высочайшего профессионала приключенческого жанра и вместе с тем мастера, умеющего наполнять свои книги тем, ради чего и стоит их писать: осмыслением жизни. Писателя-христианина (католика, но это не пугало отца Александра, ставящего христианство выше конфессиональных перегородок). Писателя, особо внимательного к миру социальных надежд и иллюзий.

«Сила и слава» – это роман о священнике. О священнике в стране победившей революции. Революция присутствует здесь прежде всего как некое стихийное безликое явление, переворачивающее привычную человеческую жизнь. Религия запрещена. Священников или женят, вынуждая тем самым нарушить обет безбрачия и расстаться с саном, или – казнят. Есть и ещё один выход для священника – убежать из страны.

Герой романа не является героем по натуре. Но он священник. Он не может сложить с себя сан. Не может бросить своих прихожан, оставить их без причастия, без крещения и венчания. И он поневоле превращается в героя, становится, так сказать, катакомбным священником. Скрываясь от революционной власти, тихо делает то, что должен делать...

О священстве отец Александр говорил так: «Когда меня рукополагали в священники, епископ возложил мне руки на голову. И ему епископ возложил когда-то руки на голову. И эта живая цепочка тянется сквозь века. И восходит к Иисусу Христу, благословившему на служение апостолов. Разве я могу не ощущать каждое мгновение эту живую цепочку?..»

Книги отца Александра становятся всё более известны, и его писательская слава может заслонить собой его священническую деятельность. Но он был прежде всего именно священником. Дело не только в огромном количестве его духовных детей, превративших храм Сретенья в Новой Деревне в один из духовных центров просыпающейся России. Дело не только в хорошо известных именах. Дело в том, что он *никогда никому не отказывал* в духовной помощи, будь то посещение больного в приходе (к которому следует отнести, может быть, и особую, «новодеревенскую» Москву, разбросанную по всей географической Москве) или разговор о смысле жизни с тем, кто не мог сам освободиться от болезненного безверия – десятилетиями насаждаемой болезни.

Священник из «Силы и славы» прячется и боится быть пойманным. Но он не может перестать быть священником. Паства его, лишённая прежних духовных водителей (кто казнён, кто эмигрировал, кто боится вспомнить о своём священническом прошлом), ширится необычайно. Всюду множество людей нуждаются в нём, и некуда ему деваться от этой нужды.

Но безликая маска революционного правосознания тоже находит в романе свою персонафикацию. Не помню, назывался ли он у Грина комиссаром, но мне подворачивается именно это слово. Комиссар этот выразительнее всего виден в небольшом эпизоде, когда он идёт по вечерней улице и замечает стайку детей. Те с восхищением смотрят на кожанку и портупею, а комиссар удовлетворённо думает, что вот эти ребята – те, ради кого и происходит великая революционная деятельность, что это завтрашний день новой страны. И подзывает одного из мальчишек, чтобы показать ему маузер, или что там у него имелось в портупее. Полон душевного расположения, комиссар протягивает руку – погладить мальчика по голове. Но рука его, привыкшая не к ласке, а к истязанию, обычным движением хватает мальчика за ухо и выворачивает

до жгучей боли. Мальчик, рыдая, убегает, а комиссар слегка досадует на себя или на свою руку, но это скоро проходит. Этот комиссар и возглавляет поиски катакомбного священника.

Отцу Александру, как любой яркой личности, тоже хватало преследователей. Они проявлялись в разных обликах. Это мог быть и настоятель храма, приставленный «держат и не пущать». Могла быть староста церковной общины. Могли быть сексоты, легко растворяющиеся в пёстром и широком кругу «своих» прихожан. И уж конечно – пресловутые *органы*, которые никогда не оставляли его своей бдительной опекой, которым был известен каждый его шаг и которым потом не по силам оказалось найти преступника. Самая характерная черта этого преследования – его полная, по сути, безличность. Да и комиссар в романе: персонификация безличности, без-личности.

И вот безличная система, сосредоточившаяся в безликом комиссаре, начинает сжимать свои клещи. Священника вытесняют из города. Он вынужден скрываться в селениях, всё более и более удаленных. Впрочем, скрываться у него получается лишь до определённой степени: ведь он священник. Он служит мессы, совершает таинства, открываясь любому энтузиасту-доносчику. Да и не просто энтузиасту. За поимку священника назначена награда, весьма весомая для нищих жителей этой несчастной страны. Объявление о награде висит в полицейском участке, рядом с таким же объявлением о розыске вооружённого убийцы.

Ощущение преследования разрастается в романе до мистической фантазмагии – и кому, как не нам, жившим при советской власти, ощутить реалистичность этой фантазмагии.

Священнику удаётся ускользать и спасаться, порою чудом, но не удаётся освободиться от сжимающегося кольца. Никто не берёт на душу иудин грех, кроме одного жалкого метиса, жадного до награды. Что ж, достаточно и одного иуды... Пока у него не получается. Но по ходу повествования то и дело возникает мрачный символ: грифы, терпеливо дожидаящиеся своей поживы.

По ходу действия мы многое узнаём о главном герое. Грин нарочито остро высвечивает его человеческие слабости. Священник оказывается выпивохой, а в одном из селений он встречает женщину, которая несколько лет назад родила от него ребёнка. Он мучается своим несовершенством – и более всего страдает из-за той тени, которая падает от его человеческой натуры на его священство. И всё же он нащупывает в своей душе ту тонкую, но точную границу, которая отделяет одно от другого.

Важна была эта граница и для отца Александра. К счастью, он не был героем парадоксального романа, и человеческая жизнь его была светлой и чистой. Но он был очень внимателен к тому, чтобы священство не превращалось в его личную заслугу. Ему верно помогал в этом тонкий улыбчивый юмор. Он мог протянуть руку юноше, робеющему перед знаменитостью, и представиться: «Мень-пельмень». Мог сколько угодно подшучивать над собой, но никогда – над своим делом, над своим «CREDO».

Вернёмся к сюжету. Тёмная безликая сила, заполнившая страну, вытесняет священника, вынуждая его покинуть пределы родины. Беглец, эмигрант, спасающий свою жизнь, устраивает систему, пожалуй, даже больше, чем казнённый герой, тут же попадающий в ранг святого великомученика. У самой границы священник встречается с тем самым бандитом, к которому он сопричтён в полицейском розыске. Бандит ранен, жить ему осталось недолго, но священнику не удаётся обратить его к раскаянию: тот полон желания продать свою жизнь подороже, с оружием в руке.

И вот граница позади. Спасение! И не только спасение. Герой романа снова в официально христианской стране, его венчает героический ореол человека, не поступившего совестью перед лицом смерти. Ему платят большие деньги за службу в храме пограничного городка. Предлагают остаться, но возможности новой жизни, блистательной церковной карьеры впе-

реди безграничны. Он только что был нищим и оборванным – и уже седлает двух новоприобретённых ослов, нагружая их вещами, необходимыми для путешествия в столицу.

Жизнь сложнее романа. И время новых возможностей, открывшихся перед отцом Александром, не было отделено спасительной границей от преследований и угроз. Он жил всё стремительнее, действовал всё энергичнее, но никто не облегчал ему путь, а чёрные тени по-прежнему кружились вокруг него. По-прежнему? Или ещё настойчивее, чем раньше, – с ростом его известности, с упрочиванием его авторитета, с расширением масштаба его трудов?.. Какие новые формы приняла безликая тёмная сила, вынужденная постепенно отказываться от привычных вызовов к чиновникам, уполномоченным на угашение духа?..

Рассказывая о книге, мы подошли к её кульминации. Из темноты перед священником, седлающим ослов, возникает знакомая фигура: метис-предатель, не слишком-то и скрывающий своё будничное томление по назначенным сребреникам. Он ничего не говорит, он лишь протягивает записку, коряво нацарапанную на случайном клочке бумаги. Записку от бандита, подошедшего к смерти вплотную и решившегося на исповедь и покаяние. Записку с просьбой прийти. Вот и всё. Решение за священником.

Пересечь границу обратно? Наверняка зная, что это бездарная ловушка, что спасительных вариантов уже не будет. Выбрать сознательно самому смерть вместо жизни, унижение вместо славы, слабость вместо силы... Или отмахнуться от метиса, выпроваживая его в породившую его тьму, отбросить клочок бумаги как ненужный мусор, и продолжить свой выстраданный путь к новому взлёту жизни и призвания?.. Ясно, как решил бы человек. Но решение принял священник.

В какую примитивную ловушку заманили отца Александра, чтобы он подошёл к ожидающему его убийце? Что за обстоятельства побудили его не звать на помощь и на вопрос прохожей женщины «Что случилось?» ответить: «Ничего, это я сам»?.. Это простая фраза наполнена подлинным духовным героизмом. Может быть, так же ответил бы священник из «Силы и славы», если бы его, возвращающегося, просто убили из-за угла... Слишком легко у нас расправиться с человеком. И легче лёгкого – со священником. Когда-нибудь, когда всё станет известно, эти слова обретут свой понятный и глубокий смысл...

Да, священник вернулся. Он принял исповедь умирающего разбойника. Он отказался взять в руки оружие, когда его окружил отряд комиссара. И комиссар, наконец, схватил его и повёз на казнь. Дорога была неблизкой, священник с комиссаром много общались, но комиссар оказался твердокаменнее разбойника. А священник, оставшись наедине со своими мыслями, молился (не очень складно, не по канону, просто беседуя с лучшим своим Собеседником) и просил прощения, что он оказался таким неважным кандидатом в святые...

Ещё запомнилось, как в обычной семье (кажется, в семье того самого любопытного мальчика, которому комиссар вывернул ухо) читают тайком жития святых, и постепенно сквозь величавые слова проступает жизнеописание нашего подлинного, живого священника. И как раз когда говорится о тайных его скитаниях из дома в дом, раздаётся стук в дверь. Мальчик выбегает и, вернувшись, говорит приглушённо и радостно: «Он пришёл к нам»... То ли новый скиталец, то ли новый святой, мне трудно по памяти истолковать этот эпизод. Но главное здесь – мальчик. Этот мальчик не будет мечтать о кожанке и портупее.

Роман куда богаче и глубже моего скудного пересказа. Тем более это относится к облику отца Александра. Но у него не будет недостатка в биографах. Мне хотелось рассказать лишь об удивительной истории перевода книги, в которой Александр Мень увидел нечто особое. Нечто значительное, особым образом связанное и с его жизнью, и с нашей общей судьбой. Мне видится в этой истории и некое предчувствие будущей трагедии, которая – какие бы корни она ни имела – стала для него гибелью на поле духовной брани.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.